

Айрин Масинг-Делич

Упразднение смерти

Миф о спасении
в русской литературе
XX века

Современная западная русистика

«Современная западная русистика» /
«Contemporary Western Rusistika»

Айрин Масинг-Делич

**Упразднение смерти.
Миф о спасении в русской
литературе XX века**

«Библиороссика»

1992

УДК 82.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)

Масинг-Делич А.

Упразднение смерти. Миф о спасении в русской литературе
XX века / А. Масинг-Делич — «Библиороссика»,
1992 — («Современная западная русистика» / «Contemporary
Western Rusistika»)

ISBN 978-5-6044208-1-2

Культура Серебряного века была в высшей степени неоднородной, однако для всех разнообразных явлений имелась одна связующая нить: все мечты и чаяния были направлены на преодоление законов природы, на реализацию утопии, расширение возможностей человека и создание высшей расы — возможно, бессмертной. Это стремление, выразившееся в идеях Владимира Соловьева, Николая Федорова и в обновленных понятиях гностицизма, свело таких разных писателей, как Максим Горький, Александр Блок, Федор Сологуб, Николай Огнев и Николай Заболоцкий, в едином пространстве мифа об окончательной победе над смертью. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 82.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-6044208-1-2

© Масинг-Делич А., 1992
© Библиороссика, 1992

Содержание

Айрин Масинг-Делич	5
Предисловие и слова благодарности	6
Глава 1	8
Положение традиционной религии и «верующий атеизм»	12
Глумление над православием	13
Лопух, солидарность и материальные следы деятельности	16
Следы труда и творчества	17
Маяковский и Катаев	19
Одухотворение материи	22
Горький излагает свою теорию о будущем состоянии материи	23
Бессмертие Ленина и его ожидаемое воскрешение	25
«Программа спасения»	27
Глава 2	28
Параметр 1: Старый мир	28
Параметр 2: Демиург	31
Параметр 3: Смертное человечество	34
Люди плоти (гилики)	34
Люди души (психики)	35
Люди духа (пневматики)	35
Параметр 4: Бессмертное человечество	37
Параметр 5: Истинное божество	38
Параметр 6: Новый мир	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Айрин Масинг-Делич
Упразднение смерти. Миф о спасении
в русской литературе XX века

Юре

Irene Masing-Delic

Abolishing Death

A Salvation Myth of Russian Twentieth-Century Literature

Stanford University Press

Stanford; California

1992

Авторизованный перевод с английского Михаила Абушика

© Irene Masing-Delic, text, 2020

© М. В. Абушик, перевод с английского, 2020

© Stanford University Press, 1992

© Academic Studies Press, 2020

© Оформление и макет ООО «БиблиоРоссика», 2020

Предисловие и слова благодарности

Оригинальная английская версия настоящего исследования была опубликована в 1992 году издательством Стэнфордского университета¹. В 2019 году основатель и директор издательства «Academic Studies Press» Игорь Немировский предложил мне включить мою книгу в новую серию «Современная западная русистика», и я ему очень признательна за эту честь. Перечитав свою книгу 1992 года, я решила, что для русского издания уместно внести в текст ряд изменений. Я переработала некоторые главы, изменив порядок аргументации и сократив их во избежание повторов; дополнила библиографию важными работами, посвященными философии Н. Ф. Федорова, а текст – некоторыми размышлениями о (не)желательности бессмертия и о его «будущем» в России («Будущее бессмертия» – так называется книга А. Бернштейн, включенная в библиографию). Главная часть моего исследования, собственно анализ посвященных бессмертию и способам его достижения произведений Ф. К. Сологуба, А. А. Блока, Н. А. Заболоцкого и других авторов, не подвергалась существенным изменениям.

Я очень признательна сотруднику Санкт-Петербургской Библиотеки Академии наук Михаилу Абушику, переводчику моей книги, и редактору Ольге Бараш за тщательное редактирование последнего варианта рукописи. Ольге я особенно благодарна за то, что она безошибочно угадывает, как хотел бы выразиться автор, если бы изначально изъяснялся на русском языке. Я очень ценю внимательное отношение ко мне всех сотрудников издательства в Санкт-Петербурге, особенно Ксении Тверьянович, редактора серии, и Ирины Знаешевой, ответственного редактора. Также благодарю Радислава Лапушина, профессора Университета Северной Каролины в Чапел-Хилле, за его ценный вклад в историю перевода, которая по разным причинам оказалась длинной.

Я признательна Университету штата Огайо (The Ohio State University) за финансовую поддержку перевода первой версии книги.

Я также благодарна К. Толпыгину, сотруднику славянского и восточноевропейского отделения Библиотеки Дэвиса Университета Северной Каролины (The Davis Library of the University of North Carolina), который терпеливо разыскивал необходимые материалы и ссылки на электронные версии книг, недоступных из-за закрытия нашей и соседних библиотек на карантин во время эпидемии коронавируса. Отделение межбиблиотечного абонемента Библиотеки Дэвиса также оказало мне весьма ценную помощь.

В течение ряда лет я вела множество плодотворных для меня дискуссий на тему бессмертия. Одним из моих собеседников был профессор Йозеф Шютц (Joseph Schuetz), который поддал мне идею написать книгу на основе ряда семинаров на тему «упразднения смерти», проведенных мной в 1970-е годы в Университете Эрлангена – Нюрнберга (Friedrich-Alexander-Universität Erlangen-Nürnberg), на кафедре славистики, которую он тогда возглавлял. Я ценю его поддержку, а также вклад, который внесли в разработку темы участники семинара. За одобрение моей книги я очень признательна профессору Вольфгангу Казаку (Wolfgang Kasack), возглавлявшему тогда кафедру славистики Кёльнского университета; в то время он был глубоко заинтересован этой тематикой.

На кафедре славянских языков и литератур Калифорнийского университета в Беркли моими коллегами в разное время были профессора Джоан Гроссман (Joan Grossman), Хью Маклэйн (Hugh McLean) и Ирина Паперно (Irina Paperno); своим дружеским вниманием и положительной критикой они помогли мне глубже разработать тему. Я благодарю кафедру за предоставленную мне возможность проверить свои идеи на проводимом мной семинаре

¹ Masing-Delic 1992 – Masing-Delic I. Abolishing Death. A Salvation Myth of Russian Twentieth-Century Literature. Stanford (CA): Stanford University Press, 1992.

и участников семинара за их активность. Публикацию моей книги всячески поощрял Франк (Римвидас) Шилбайорис (Frank Silbajoris), профессор кафедры славистики и восточноевропейских языков и литератур Университета штата Огайо. Моя «странствующая» книга, как уже было сказано выше, нашла пристанище в издательстве Стэнфордского университета (Stanford University Press).

Наконец, я благодарю своего мужа Джорджа Делича за его многолетний интерес к теме, весьма далекой от сферы его собственных исследований в области теоретической физики и вычислительной техники. Он помогал мне «спускаться на землю» в моих подробных объяснениях, каким именно образом мои авторы приходили к своим необычным умозаключениям. Книгу «Упразднение смерти» я посвящаю ему.

Айрин Масинг-Делич

Германо-славянский департамент Университета Северной Каролины в Чапел-Хилле,
2020

Глава 1

Введение

...Если нет бессмертия, то его рано или поздно изобретет великий человеческий ум.

А. П. Чехов. Палата № 6

В начале 1920-х годов, когда И. Г. Эренбург ездил с лекциями по Советскому Союзу, его, помимо прочего, часто спрашивали, «откроет ли коммунизм возможность победить смерть» [Эренбург 1990, 1: 434]. По воспоминаниям Н. А. Бердяева², на одном из собраний «Клуба анархистов» некий биокосмист³ утверждал, что, так как «социальная программа-максимум уже осуществлена», только и остается «поставить на очередь дня космическое воскрешение мертвых» [Бердяев 1990: 219]. Это вызвало в зале смех, но не удивление, которое выказала бы аудитория, услышь она подобное заявление впервые. По всей видимости, присутствовавшая на собрании публика привыкла к подобным «программным требованиям» и уже не раз слышала разглагольствования об «изобретении бессмертия».

Как легко можно убедиться, и сорок лет спустя на страницах журнала «Наука и религия» нередко поднималась та же тема. Так, в сентябре 1965 года журнал публикует статью, озаглавленную «Бессмертие – сказка?», в которой доктор биологических наук и президент Национальной академии наук Белоруссии В. Ф. Купревич объясняет, что «на известном этапе своего развития человек начал приспосабливаться к условиям среды, то есть к всемогущей природе». В наше время человечеству, однако, уже не надо «слушаться» природы; достигнув высокого уровня в своем эволюционном развитии, оно уже не должно переделывать себя. Оно может вместо того приступить к радикальному изменению самой природы, «убеждая» или «заставляя» ее служить нуждам и желаниям человечества. Смерть, то есть смена поколений, утверждал академик, становится «вовсе не обязательной», так как теперь она может быть уничтожена «как биологическое явление» [Купревич 1965: 32]⁴. Действительно, оптимизм по поводу близкого физического бессмертия часто был безграничным, как подтверждает другая статья, опубликованная в журнале «Наука и религия» в том же 1965 году. «Придет время <... > и смерть будут лечить, как лечат сейчас грипп, воспаление легких или туберкулез. И это не религиозная сказка, вроде оживления Лазаря Иисусом Христом, а реальные перспективы развития науки», – утверждал автор [Клячко 1965: 32]. Это лишь некоторые из многих статей, опубликованных в 1960-е годы в советских журналах, где говорилось о «бессмертии как о чем-то уже близком, практически достижимом в самом ближайшем будущем» [Филиппов 1981: 231].

² По воспоминаниям Бердяева, это было в 1919 году, но исследователь Н. Ф. Федорова М. Хагемейстер относит эту встречу биокосмистов к 1921 году [см. Hagemeister 1989: 303]. О биокосмизме см. [Там же: 300–317].

³ Речь идет о лидере движения анархистов-биокосмистов А. Ф. Агиенко, известном под псевдонимом Александр Святогор.

⁴ В. Ф. Купревич, известный ботаник и специалист по заболеваниям растений, автор более ста научных трудов, в том числе фундаментальных, написал также ряд статей о продлении жизни человека и о смерти как «ненужном явлении», например «Граница бессмертия: исследования о продолжительности жизни человека» («Семья и школа», 1966, № 5); «Приглашение к бессмертию: к проблемам геронтологии и гериатрии» («Техника – молодежи», 1966, № 1). Пропагандирование Купревичем бессмертия свидетельствует о том, что философия победы над смертью Н. Ф. Федорова продолжала привлекать видных ученых и во времена, когда Федорова официально не признавали (о Федорове см. главу 4). Такие заглавия, как «Бессмертие – сказка?», возможно, возникали под влиянием не только оптимистических политических лозунгов, но и горьковских рассуждений о фольклоре, а именно той мысли, что народные сказки выражают мечтания народа о будущем. Так, народ поэтически выразил свои чаяния о передвижении по воздуху в сказочном мотиве ковра-самолета. Возможно, народ также желал, чтобы у каждого на кухонной полке стояло по банке живой и мертвой воды.

Все эти высказывания хорошо иллюстрируют то, что историк-советолог П. Уайлз называет «непомерным интересом к физическому бессмертию на земле» [Wiles 1965, 57: 159] в Советском Союзе. Уайлз, одним из первых в западной науке подметивший в русской советской культуре этот интерес к победе над смертью, приписывает его популярность распространенному среди русского населения представлению, что должна быть «или жизнь после смерти – или отсутствие смерти» [Wiles 1965, 56: 140], причем последнее предпочтительней. Хотя Уайлз заинтересовался этим поиском мира, где нет смерти, он не считал его важным культурным явлением. Ведь он не дал «результатов», кроме ряда «курьезных фраз» в художественной литературе и некоторых странностей в практике медицинских исследований⁵ (см. [Wiles 1965, 57: 161]).

Под «курьезными» фразами в литературе Уайлз, по всей видимости, подразумевает эпизоды, подобные сцене из романа Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго» (1957). Во время Гражданской войны Юрий Живаго, герой романа, находясь на поле боя, стреляет в мертвое, обгорелое дерево на голом холме (картина, чем-то напоминающая Голгофу), вместо того чтобы целиться в бойцов какой-либо из сторон или спрятаться и вовсе не участвовать в сражении. Его странный поступок можно понять как желание «врачевателя живого», каковым является герой романа, подсказать воюющим сторонам, что убивать надо не друг друга, а смерть, воплощенную в этом дереве на голом холме. Странное поведение Живаго, по-видимому, обусловлено причинами, имеющими смысл на символическом уровне (см. [Masings-Delic 1981]); его поступок также имеет федоровскую окраску, то есть говорит о «конкретных действиях против смерти» в духе Н. Ф. Федорова⁶.

Уайлз, несомненно, ошибался в своем предположении, что поиски физического бессмертия составляют не более чем собрание «курьезных фраз» и нелепых медицинских практик⁷. Но эта тема тогда редко рассматривалась в западной славистике и советологии, а автор теории физического воскрешения мертвых Н. Ф. Федоров (1829–1903) с его подспудным влиянием на русскую культуру был почти неизвестен⁸.

Между тем в России в период 1900-1920-х годов начали складываться параметры «мифа спасения», которые, в частности благодаря вернувшемуся из Италии М. Горькому, впоследствии перекочевали и в сталинский период менее открытых, но активных поисков бессмертия⁹. Горький, в первый раз вернувшись в Советский Союз в 1928 году, начал агитировать за

⁵ Один такой «медицинский случай» связан с лекарством под названием гравидан – «чудодейственным» средством, получаемым из мочи беременных женщин. Оно некоторое время считалось мощным средством омоложения. Подробное описание судьбы гравидана в Советском Союзе содержится в [Найман 2000].

⁶ Роман Пастернака в настоящей работе отдельно не рассматривается, но он, несомненно, принадлежит к тем литературным произведениям XX века, в которых многие «курьезные фразы» и «странные случаи» приобретают смысл, если соотнести их с поисками земного бессмертия. Пастернак не был последовательным приверженцем Н. Ф. Федорова, но интересовался его идеями. В творчестве Пастернака можно найти множество мотивов в федоровском ключе. Так, в стихотворении «Безвременно умершему» (1936), посвященном самоубийству молодого поэта Н. Дементьева, есть строки, в которых практически изложена суть федоровского учения: Но тут нас не оставят. / Лет через пятьдесят, / Как ветка пустит паветвь, / Найдут и воскресят.

⁷ Западная славистика в 1960-е годы еще мало интересовалась такими «утопиями». После первых исследований Уайлза М. Хагемейстер в книге «Nikolaj Fedorov. Studien zu Leben, Werk und Wirkung» («Николай Федоров. Жизнь, творчество, значение», [Hagemeister 1989]) дал достаточно полную картину жизни и творчества этого загадочного человека – философа-утописта, зачинателя «общего дела» борьбы со смертью, – а также рассмотрел его последователей и пропагандистов в предреволюционные и первые послереволюционные годы. В 1970 году два тома «Философии общего дела» (1906 и 1913) вышли в Великобритании. Кроме того, повысился общий интерес к истории русской религиозной, а также антирелигиозной философии; в частности, большой вклад в исследование этой сферы русской культуры внесли Дж. Клайн и Дж. Сканлан. В наше время философ хорошо известен среди специалистов по русской культуре; федоровизм и космизм также становятся достоянием более широких кругов, о чем свидетельствует выход в 2018 году книги «Russian Cosmism», антологии текстов федоровистов и космистов [Groys (ed.) 2018].

⁸ Литература о Федорове на русском языке достаточно обширна – см., например, [Петерсон 1912; Семенова 1990; Семенова 2004; Гачева (сост.) 2004–2008]. – *Примеч. ред.*

⁹ В России ученики Федорова следили за тем, чтобы знание о нем не заглохло, см., например, [Петерсон 1912]. Влияние Федорова было «подспудным» по многим причинам: он сам не афишировал свою философию, а его последователи были

создание Всесоюзного института экспериментальной медицины (ВИЭМ), который должен был заниматься исследованием возможностей «улучшения биологического состояния» социалистического человечества, то есть, по сути, евгеникой. Горький вообще поощрял всевозможные способы помочь человечеству превзойти себя и духовно, и биологически путем научного овладения природой. К тому времени «упразднение смерти» преподносилось как будущая победа советской науки и коммунистической партии. То, что миф как о научной, так и о духовной победе над смертью коренился в Серебряном веке, было умышленно предано забвению как нежелательная информация. Автор настоящей книги надеется, что анализ мировоззрения и мироощущения, лежавших в основе утопических до- и послереволюционных чаяний, обогатит интерпретацию литературных произведений, в которых прежде не был замечен подтекст «программы спасения» или борьбы за «упразднение смерти». Моя цель – подробнее рассмотреть основную структуру литературно-философского мифа о достижении бессмертия на земле (в моей книге называемую «программа спасения») в русской литературе первой трети XX века. Основанная на методе пристального чтения, данная книга содержит анализ литературных произведений, показывающих развитие этого мифа в хронологическом порядке.

В моей работе исследуются тексты разных жанров: от реалистического «романа воспитания», посвященного идейному обращению в социалистическую веру богостроительства, как «Исповедь» Горького (1907), до сказочной поэмы о «похоронах» смерти-сохи, такой как «Торжество земледелия» Н. А. Заболоцкого (1931). В число рассматриваемых произведений также входят утопическая трилогия Ф. К. Сологуба «Творимая легенда» (1907–1913), поэма А. А. Блока «Двенадцать» (1918) и некоторые другие тексты того времени. Эти произведения были выбраны по двум критериям: полноте тематики спасения от смерти и прослеживанию развития мифа от одного текста к другому. Так, в «Исповеди» народ-богостроитель еще не владеет той «силой», которую продемонстрировал Христос при воскрешении дочери Иаира, и поэтому способен только исцелить парализованную, но не мертвую девушку. Будущий народ-богостроитель лишь постепенно приходит к полному осознанию своего великого потенциала и пока еще не может опереться на полноценную науку воскрешения. В «Творимой легенде» Сологуба мы уже имеем дело с «настоящими» воскрешениями, хотя в ограниченном объеме и производимыми только над узкой категорией недавно умерших невинных детей; поэт-(ал)химик Триродов возвращает к жизни только детей, ничего «не съевших» (Иван Карамазов), то есть не изведавших плода познания добра и зла, но действительно умерших и уже похороненных. В поэме Блока «Двенадцать» нарушается медленное движение времени в Старом мире и делается «скачок» в царство вневременной свободы будущего. В поэме «красные апостолы» воскрешают Христа, который, вопреки свидетельству Евангелия и учению всех христианских церквей, никогда не восставал из мертвых, но покоился все это время в гробнице Истории, ожидая своего второго пришествия по инициативе нового человечества на заре новой эры. Воскрешая Христа (коллективным возгласом «выходи»), красные апостолы послереволюционной России, сами еще не понимая своей исторической функции, начинают дело создания Нового мира, в котором все возможно, включая воскрешение умерших. Ведомые образом истинного Христа, который, как икона крестного хода, ведет их «в даль» неограниченных возможностей, они совершат великое дело обновления мира и человечества.

немногочисленными, хотя крайне преданными. Среди интересовавшихся его учением (но не всегда безоговорочно принимавших его) были Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский, Н. А. Бердяев и другие. В советское время философ считался «нежелательной персоной», поскольку был важной фигурой для богостроителей, которых Ленин не одобрял и заставил Горького, по крайней мере на словах, «отступить от своей веры». Кроме того, философ был приверженцем православия, самодержавия и русского царя-автократа, представителя Бога на земле, что было неприемлемо для советской идеологии. Однако именно в 1920-е годы тайное наследие Федорова сильно влияло на таких высокопоставленных большевиков, как Л. Б. Красин и другие члены Комиссии по увековечению памяти В. И. Ульянова. М. Горький, несмотря на увещания Ленина, тоже остался федоровцем и даже поддерживал осторожный контакт с последователями философа Н. А. Сетницким и А. К. Горским (см. [Бочарова, Гачева 2005]).

Относительно просто достигается бессмертие в новелле Н. Огнева «Евразия», или, по крайней мере, утверждается абсолютная уверенность в способности человека техническими средствами реконструировать любой механизм, включая биологический механизм человека. В этой новелле, правда, совершается только «воскрешение» танка, поврежденного в боях Гражданской войны, но, так как человек тоже «механизм», воскрешение органического тела-механизма не за горами. Писатели, ориентированные на возможности спасительной техники, были больше всех разочарованы появлением нэпа, поскольку он восстанавливал, как им казалось, мелкий эгоизм обывателей, тем препятствуя «общему делу» бессмертия. Так, Заболоцкому в «Столбах» (1929) повсюду видится образ Вавилонской блудницы и представляется вульгарность нэповской жизни во время прогулок по Ленинграду – городу, который, как колыбель революции, должен был стать местом великих коллективных дел, включая общее дело уничтожения смерти, но вместо того предал «труда и творчества закон». Вместе с ним город предал и надежды на физическое бессмертие человечества. Однако в более поздней поэме Заболоцкого «Торжество земледелия» на человечество «грянул свет», возвещающий, что приход Нового мира «с новым солнцем и травой» уже близок, если коллективизация послужит началом процесса создания «нового неба и новой земли» под руководством богоподобного человечества. Такой ход событий кажется поэту вполне вероятным, и в заключительной части поэмы уже празднуются похороны смерти.

Эти произведения рассматриваются в контексте философий бессмертия Н. Ф. Федорова и В. С. Соловьева, а также «неогностических» настроений Серебряного века, таких как презрение к современному миру с его «пошлыми» мещанами-обитателями, которых следует заменить «новым человеком» Третьего Завета или «стальным» героем социалистического «светлого будущего». Несмотря на растущий интерес исследователей к этим вопросам и на то, что мысль о бессмертии делается все более приемлемой в кругах «космистов», «неофедоровцев» и приверженцев крионики, тема упразднения смерти многим по-прежнему представляется «курьезной» вне научно-фантастических жанров. Поэтому я позволю себе ниже представить несколько общих культурных контекстов, делающих «фантастичность» тематики более понятной. Во второй главе под названием «Программа спасения» я постараюсь наметить конкретные параметры для изучения этого яркого литературного мифа. В последующих главах анализируются взгляды Н. Ф. Федорова, В. С. Соловьева и других на тему победы над смертью. Главы 6-11 посвящены подробным разборам собственно литературных текстов, включая две пародии на концепцию физического бессмертия. «Заключительные замечания» ставят вопрос о желательности бессмертия и о «будущем бессмертия»¹⁰ в России.

¹⁰ Название книги А. Бернштейн («The Future of Immortality», [Bernstein 2019]).

Положение традиционной религии и «верующий атеизм»

Одной из многих причин, позволивших идее земного бессмертия без «транзита» в мир иной пустить столь прочные корни в России, очевидно, было враждебное отношение «прогрессивной» интеллигенции к традиционному русскому православию, затронувшее вначале его престиж, а потом и статус. Октябрьская революция обозначила окончательный разрыв с «бесплодными религиозными фантазиями» православия, равно как и других религий бывшей империи, причем слово «бесплодные» здесь следует подчеркнуть. Новые научные теории не оспаривали позитивного отношения православия к воскресению во плоти и к вечной жизни в Новом мире, но они «знали», что религии обманывают верующих своими «сказками», и отрицали, что православная церковь способна что-либо сделать для их достижения. Любая религиозная вера была объявлена религиозной патологией (*pathologia religiosa*), крайне вредной для физического и психического здоровья нации [см. Polianski 2018]¹¹. Считалось, что народ, и в первую очередь «отсталое» крестьянство, нужно было *лечить* от этой «болезни». Поэтому его перевоспитание и «освобождение» от традиционной церковной веры должно было стать одной из главнейших задач новой советской интеллигенции в области культурного просвещения.

¹¹ В статье И. Полянски рассматривается «союз» медицинских наук с антирелигиозной пропагандой страны во имя здоровья и психического благополучия народа после Октября. До какой степени фанатичная вера в науку иногда переплеталась с гротескными суевериями рационализма, свидетельствует следующий случай. Профессора медицины Казанского университета, занимавшегося попытками оживления клинически мертвых людей, постигло горе – его маленький сын утонул. Профессор, безгранично любивший сына, забальзамировал тело и долго пытался его оживить. Убедившись, что ребенок не воскреснет, отец покончил с собой. Его глубоко верующая вдова хотела похоронить мужа по христианскому обряду. Коллеги профессора, узнав об этом, обвинили ее в убийстве мужа: она якобы не желала, чтобы советская наука в виде «научного воскрешения» восторжествовала. Медики сочли, что их коллеге уже почти удалось воскресить сына, но жена, как верующая христианка, решила убить мужа, чтобы «сохранить авторитет» Бога как единственного властелина жизни и смерти. Этот реальный случай передан мной в немного упрощенном виде; желающих узнать другие гротескные детали я отсылаю к статье Полянски.

Глумление над православием

Роман Л. Н. Сейфуллиной «Виринея» (1924) – одно из многочисленных произведений, в которых разоблачаются старые религиозные «суеверия», «неврозы» и «истерические случаи одержимости», которые следовало разрушить до основания. Один из «безобидных» способов – высмеивание старой веры. В романе Сейфуллиной сельского «мистика-пророка» Савелия Магару посещает «пророческое» видение, в котором Творец зовет его к себе на небеса. В сцене, пародирующей смерть Зосимы в «Братьях Карамазовых», Магара облачается в саван, ложится в гроб и ожидает обещанной смерти, окруженный односельчанами, многие из которых готовы поверить в «зов на небеса», если тот в самом деле прозвучит. Смерть, однако, не приходит за душой Магары, который начинает бояться, что его разоблачат как лжепророка. Он изо всех сил старается умереть, пробует не дышать, но смерть не приходит, к вящей потехе односельчан, собравшихся понаблюдать за его заранее объявленной кончиной. Традиционная вера посрамлена, и крестьяне видят, что православие не выдержало «проверки на правду» и что горнее видение Магары – не более чем самообман психически неуравновешенного, излишне возбудимого человека: он ведь и раньше впадал в приступы мрачности и совершал странные, непомерно агрессивные поступки, указывавшие на манию величия [Сейфуллина 1974: 32–38]. После вынужденного «восстания из мертвых» Магара проводит ночь, «теребя» старое тело своей многострадальной жены, а на следующий день уходит из дома. После длительного отсутствия Магара возвращается домой и превращается в пьяницу и тунеядца. Его стремление стать местным православным угодником навсегда исчезает, как и уважение к нему односельчан.

Победившим большевикам было ясно: «верхний этаж» уже не только не нужен, но вредоносен для духовного здоровья и «нормального» развития населения, особенно крестьян, в которых так крепко верил Достоевский, видя в них истинных богоносцев. Ликвидация религии в стране была необходима, чтобы советский человек имел полную свободу творить новые, не религиозные, а научные чудеса в новой среде, чудеса, нужные и полезные ему самому, а не «бывшему Богу». Считалось, что эти естественные чудеса по силам тем, кто и теоретически, и эмпирически познает законы природы, состав материи и ее «двигателей» – разных видов энергии: таким образом «научный» советский коллектив приобретет способность властвовать над ними и изменять их действия.

Упадок церковной религии и растущее недоверие к ее «сказкам» о посмертном пребывании души в заоблачных сферах открывали дорогу той «альтернативе», о которой говорил Уайлз, то есть поискам путей к бессмертию на земле, исключая физическую кончину человека. Таким образом, церковный путь к спасению от смерти был показан несостоятельным и даже смешным, между тем как *цель* религиозных упований – бессмертие физического тела человека – оставалась в силе. Как в Советском Союзе, так и в других странах растущий научный прогресс подпитывал надежды на «рукотворное» бессмертие, созданное учеными, способными заменить религию всезнающей наукой. В медицине и биологии одно ошеломляющее открытие следовало за другим, суля удивительные новые возможности создать то будущее, которого человечество жаждало испокон веков. Как пишет И. Полянски, доктрина «победы над смертью» лежала в основе всех аспектов советского представления о «новом человеке» [Polianski 2018: 544] и *подразумевалась* во всех декларациях о «неостановимом» прогрессе страны во всех сферах знания. Обещание этой победы содержалось в самом советском лексиконе, в языке текстов, провозглашавших новую веру, то есть советскую идеологию. Семантика этого лексического пласта русского языка была связана с понятиями фактического знания о будущем как о легенде, сотворенной реальной советской наукой. В отличие от трилогии Сологуба «Творимая легенда», это было знание не только о творимой, но и о сотворенной в будущем легенде. Не говоря напрямик о конкретных целях коммунистической «веры», язык, на котором ее про-

поведовали новым людям социалистического мира, внушал надежды на осуществимость всех стремлений послеоктябрьского человечества, на исполнимость всех его желаний – исключая, конечно, иллюзии «бывших людей». Приведем несколько примеров из книги В. Е. Прожогина, посвященной всемогуществу труда коммунистического человечества, якобы главной теме в произведениях Горького, где труд из тяжелой повинности превращается в эстетически значимое «жизнестроительное» искусство, «в источник радости, в творчество» [Прожогин 1955:87]. Писатель указывал, что «труд коллективный, общественный» должен превратиться «в гигантскую созидательную силу», способную осуществить «революционное преобразование мира» и ошеломляющие открытия [Там же: 42]. Когда-то труд был проклятием, но устремленный в будущее социализм и его «пророк» Горький превратили его в *искусство*, которое, соблюдая закономерности человеческого творчества, создаст и уже создает условия человеческого всемогущества. К эстетической составляющей Прожогин добавляет этическую: по его мнению, непреложным историческим «фактом» является то, что трудовой пролетариат – это «единственный неэгоистический класс» в мировой истории [Там же: 35]. Очевидно, отсутствие эгоизма придает этому классу некоторые чудотворные свойства, вроде силы искупления, похожей на ту, какой владел Христос-искупитель. Тот искупал грехи грешников, а теперь реальный и истинный искупитель – пролетариат – превращает «сырье», то есть «звероподобных» крестьян, в идеальных дисциплинированных тружеников, в таких же пролетариев, как они сами, и таким образом спасает всех достойных спасения представителей этого, несмотря ни на что, народного класса [Там же: 38]. Чудотворная сила пролетариата распространялась и на преступников, которые могли спастись, выполняя подневольный каторжный труд, проходя нечто вроде чистилища в трудовых лагерях и на стройках наподобие Беломорканала. Своим трудом они зарабатывали себе право на вход в коммунистический рай – это не касалось только враждебных элементов из «бывших» классов. Цитируя Маркса, Прожогин говорит о «*сверхъестественной* творческой силе» труда [Там же: 121], которую признают и капиталисты, так как хорошо умеют ею пользоваться в своих корыстных целях. Если отнять у капиталистов эту «сверхъестественную» силу и отдать ее классу, которому она принадлежит по праву, пролетариату (включая «обработанное сырье» крестьянства и кающихся преступников), их творческий труд-искусство покажет свою преобразующую мощь во всех областях неостановимого прогресса. Прожогин описывает отношение Горького к труду следующим образом: «Горький был преисполнен глубокой веры в творческие силы народных масс, в торжество великой и *всесильной* идеи коммунистического преобразования мира» [Там же], идеи, возведенной в «степень искусства». Горький «знал», что «*чудодейственный* труд» и «*бесконечно* развивающийся разум человека» [Там же: 316] делают его «*властелином* стихийных сил природы», которые совместно «*овладеют* всеми тайнами природы» [Там же: 136; курсив всюду мой. – А. М.-Д.]. Очевидно, что Прожогин в своей оценке «веры» Горького указывал на некоторые «догматы» новой веры, которые французский историк-советолог А. Безансон характеризовал так: в то время как в основе религий, как старых, так и новых, лежит «осознанное неведение», советская идеология – это тоже «вера», но основанная на знании, на якобы неопровержимых доказательствах. Так, Ленин верил в неизбежное торжество коммунизма, но только потому, что «знал», что оно наступит: «Ленин не знал, что верил, он верил, что знал» [Безансон 1998:47–48]. Данное Безансоном определение ленинской «веры» подкрепляется словами Горького, утверждавшего, что Ленин «непоколебимо верил, потому что хорошо знал» [СС 24: 37]. Несомненно, Горький сам тоже «верил», потому что «хорошо знал». И, так как писатель «знал, что верил» и «верил, что знал», он хотел, чтобы новые поколения советских людей разделили веру и «знание» о будущем мире и будущем бытии человечества, умея сопоставить их с прошлым, когда природа была сильнее человека. Он мечтал об учебнике для школьников, который назывался бы «История труда»; он должен был быть созданным коллективом ученых, которые показали бы торжество нового человечества «над слепыми силами природы» [Прожогин 1955: 135] (автор тут

цитирует самого Горького, [ПСС 17: 141]). О каких «слепых силах» идет речь, не уточняется, но выражение «слепые силы природы» постоянно употреблял для обозначения всех разрушительных сил природы Федоров, а вслед за ним и все другие сторонники теории бессмертия. Можно с уверенностью предположить, что к этим силам принадлежит и смертоносная сила разложения и что Горький «знал», что советская наука найдет разрешение этой проблемы¹².

Трафаретные словосочетания, вроде «всемогущество класса», «неостановимый прогресс разума» и «чудотворный труд», встречаются не только в книге Прожогина, но и в прочих бесчисленных «трактатах» о новом человечестве в Новом мире, написанных после революции. В них вновь и вновь повторяется, что все, о чем мечтали люди прошлого, «воистину» будет с помощью естественной магии труда. Неизменное ключевое слово «всемогущество», а также все его близкие по значению заменители – «победа», «торжество», «овладение» (стихиями), «уразумение» (слепой природы) и т. д. – призваны убедить, что для трудового, мыслящего и коллективистского человечества, принимающего веру-знание научного коммунизма, на самом деле возможно все. В том числе и обретение физического бессмертия для всех достойных, равно как и вероятное воскрешение достойных умерших. Следует добавить, что исполнение всех желаний и мечтаний человечества тем более осуществимо, что новые люди послереволюционного мира полностью осведомлены обо всех препятствиях, мешающих достижению цели, и поэтому прекрасно знают, как их уничтожить. Одно из таких препятствий – смертоносный капиталистический строй с его «разложением» на враждующие классы и разъединяющей, индивидуалистической моралью войны всех против всех – явным образом усиливает власть смерти и, следовательно, должен повсюду быть ликвидирован, как и все прочие «тлетворные» моменты, способствующие разрыву связи между людьми в Старом мире. Создание такой социальной «ткани», которую невозможно разорвать на кусочки, – вот ответ, который был дан Октябрем на распадающийся мир прошлого. Победив стагнацию, пассивность, паразитизм и другие проявления «нежизни» («жизнь – деяние», сказал Горький [Прожогин 1955: 34]), революция проложила путь в сказочное, но реальное будущее. Неразрывное единство активных людей, создающее ткань бессмертия, плюс, конечно, непримиримая борьба со злом, унаследованным от Старого мира, до полного его уничтожения – вот ответ на распадающийся мир прошлого, данный Октябрем.

¹² Горький верил в науку, может быть, еще больше, чем в труд; см. [Юнович 1961]. Юнович уверяет, что «наука была первой любовью (Горького) – и что так говорили о Горьком ученые, хорошо его знавшие» [Там же: 3]. Она показывает писателя как человека, не интересующегося наукой, а верующего в нее как в единственное спасение от всех теперешних бед бытия, включая смертность. «Знающая вера» в науку Горького вместе с его верой в «магию» труда составляет два основных неразрывно связанных столпа его богостроительских доктрин. Сам Горький сформулировал свое кредо так: «Науке, исследующей “материю” – верю и люблю ее, как поэзию» [Там же].

Лопух, солидарность и материальные следы деятельности

Можно предположить, что не все «новые люди» принимали «аксиомы и факты» будущего всемогущества человечества как абсолютную истину. Возможно, даже большинство тех, кто считал себя материалистами и атеистами, предполагали, что после смерти не будет ничего, кроме забвения и разлагающегося мертвого тела, из которого вырастет знаменитый «лопух» Базарова. Для тех, кто не спешил уверовать в скорое свершение утопий и принимал «лопух» как естественное продолжение смертного существования человека, предлагались разные «теории утешения». Богостроители, например (см. о них главу 6 этой книги), апеллировали к благородству и альтруизму своих адептов, уверяя, что все те, кто героически сражался за народ, дав ему бесценные сокровища свободы и равенства, одним этим заслужили народную «вечную память» и, следовательно, бессмертие, так как «народ бессмертен». Энергия его памяти также бессмертна (что предполагается и православной церковью, правда в ином смысле), так что коллективная народная память навсегда сохраняет дела тех, кто погиб и кто продолжает жертвовать собой за благополучие народа. Теоретик «религии без Бога» и толкователь религии социалистического богостроительства А. В. Луначарский восхвалял спасительное чувство солидарности с прошлыми, настоящими и будущими поколениями человечества. Он определил эту солидарность как *«видовое и историческое чувство, дающее нам возможность рассматривать себя как живое звено развертывающейся драмы жизни столь богатой красками, столь потрясающе великолепной, столь мучительно величественной»* [Луначарский 1911: 2, 364], что быть и «звеном» в этой драме – уже вознаграждение за кратковременность бытия. Будучи последователем Ф. Ницше, Луначарский цитирует мысль из его «Веселой науки» о том, что радость, испытываемая человеком, который начинает «ковать цепь нового могучего чувства, звено за звеном» [Там же: 366], достаточна, чтобы наполнить всю жизнь. Это счастливое и щедрое чувство позволяет человеку «впитать в свою душу все древнее и новое [...], вместит все это в одну душу, в одно чувство». Это – «счастье, какого не знал до сих пор человек, счастье бога, полного сил и любви, полного слез и смеха, бога, который словно вечернее солнце дарит непрерывно из своей неисчерпаемой сокровищницы и, бросая золото в море, до тех пор, пока и беднейший рыбак не гребет золотыми веслами!» [Там же: 366–367]. Ницше называет это чувство «человечность» [Там же: 367], а Луначарский – «солидарность» [Там же: 364], но оба говорят о «вечном миге» такой полноты, что совмещает вечность и кратковременность человека в экстазе слияния со всем и всеми – бывшими и будущими, еще не существующими людьми, как и со всем, что было и будет. И, подобно «божественному человеку» будущего, предтечами которого предположительно являются и Ницше, и сам автор книги «Религия и социализм» Луначарский, также совместит в своей памяти прошлое, настоящее и будущее и, как все предтечи грядущего, вкусит вечной памяти. А сохраненное памятью всегда содержит потенциал нового становления: наука беспрестанно развивается и, быть может, настанет день, когда умершего человека можно будет «восстановить» по любому оставшемуся от него следу. Ведь память в монистическом Новом мире – вид материальной энергии и поэтому содержит *вечные, неразрушимые следы прошлого*¹³. Таким образом, «стоическое» понимание смертности («мой подвиг / труд / послужил светлому будущему, и я вполне удовлетворен этим и умру счастливым») почти всегда содержало и надежду на то, что пусть не скоро, но когда-нибудь бессмертие станет реальным для всех, кто посвятил свои мысли и труд Новому миру

¹³ Еще один федоровский мотив в «Докторе Живаго»: когда Юрий Живаго говорит своей умирающей (доброй) мачехе, что ей не следует бояться смерти, потому что она будет жить в памяти помнящих ее, в этом можно усмотреть намек на то, что ее «найдут» и «воскресят», так как помнящие ее будут сохранять ее «следы». Пастернак, конечно, не был материалистом, но, может быть, находил что-то положительное в том, что память играет не только абстрактную, но и конкретно активную роль в деле воскрешения.

Следы труда и творчества

Помимо чувства солидарности с предками и благодарно вспоминающими героизм и жертвенность прежних поколений потомками, существовали и иные варианты «утешения», может быть, даже потенциального бессмертия, служившие альтернативой «лопуху». Ключ к этой альтернативе – пушкинское «Нет, весь я не умру», так как «душа в заветной лире <...> прах переживет...». Пусть не всякому дано написать бессмертные стихи, зато каждый может оставить после себя следы плодотворной и полезной деятельности, следы, которые, быть может, будут разысканы и использованы для «восстановления». Так, авторы романов о первых пятилетках нередко говорят о возможности воскрешения былого на основе найденных материальных следов *труда* тех, кого уже нет. Например, в романе М. С. Шагинян «Гидроцентральный» (1930) обаятельный рыжеволосый герой восклицает: «Бессмертие – это всеобъемлющая память, отложи себя в мире, отработай честно, до предела, и *это не может исчезнуть* (курсив мой. – А. М.-Д. \и память человечества навеки тебя удержит, – если не сразу, то постепенно, придет к тебе. Ведь это факт: миллионы лет прошли, а мы постепенно восстанавливаем даже работу моллюсков, мы историю земли вспомнили, ихтиозавра вспомнили. Неужели работу человека не *воскресит* память (курсив мой. – А. М.-Д.Д Ведь она ж в материи отложится, эта работа» [Шагинян 1979: 91–92].

Хотя положительный герой не говорит о личном бессмертии и даже считает своим долгом опровергать эту старомодную мысль, по крайней мере в ее трансцендентном понимании, его представления о реконструкции прошлого с помощью следов трудовой деятельности, по-видимому, допускают своего рода воскрешение и самого работника: тот каким-то образом существует в материальных следах своей работы. Ихтиозавр с его «работой» в приведенной выше цитате кажется более или менее уместным сравнением, но, хотя в данном контексте герой не говорит о реконструкции отдельных ихтиозавров, с реконструкцией людей все может быть иначе.

Человек изобрел и шаг за шагом усовершенствовал систематический труд, который делал его все в большей степени человеком. Таким образом, человек и его труд связаны настолько тесно, что, может быть, частично трансформируются друг в друга. Трудовая деятельность человека, возможно, соответствует тому, что в традиционном религиозном понимании именуется «душой»; ведь многие люди вкладывают в свой труд (или творчество) буквально всю душу. Человек Нового мира, естественно, не получает душу от выдуманного Бога, а создает ее сам, реализуя свои стремления в творческом труде для себя и для всего человечества, активно преобразуя материю и одновременно делаясь частью ее неиссякаемых разновидностей энергии и стихийных сил. Поэтому вполне вероятно, что труд человека, то есть его духовно-материальный завет – «душа», – может сохраняться в материи, в свое время отыскаться и послужить воскрешению. Сопоставляя традиционное кладбище, где «пыльной казалась и память» [Шагинян 1979: 217], и строительную площадку, на которой «горит» стихия преобразующего труда, Шагинян показывает, что от смерти избавляют не церковные ритуалы, а техника и промышленность, а также иные формы творчества. Они не только оставляют более долговечные и заметные материальные следы, чем кладбище, неспособное одержать верх над «пыльным» забвением, но и дают способы и средства для оживления людей прошлого. В конце концов, и люди – те же «двигатели», которые легко ломаются и которых поэтому надо более умело конструировать и лучше восстанавливать с помощью могущественной техники. По крайней мере, так рассуждает один неизлечимо больной персонаж этого же романа [Там же: 246]; исходя из подобной логики, он находит исцеление не в рецептах врача и, конечно же, не в церковных обрядах, а в еще более активном участии в строительстве гидроцентрали. Своей работой он может быть полезным до конца. Интуитивно он знает, что новый человек, участник великого дела и работник,

совершенствующий технику, действует в свою пользу, так как работает для своего же потенциального бессмертия. Научные технологии будущего помогут восстановить «мотор», который приводил в движение его тело до того, как смерть обратила его в прах.

Вот почему так важно оставить после себя долговечные плоды своих трудов. Они аккумулируют частички жизненной энергии умершего, оставшиеся в материи, сохраняя его душу-труд в ожидании «толчка», который возбудил бы организм к новому действию. Борьба за торжество революции, новая научная теория, открытие нового источника энергии, идея, объясняющая старые загадки природы, гениальное стихотворение, улучшение какого-нибудь механизма, любой продукт труда и мысли (она ведь тоже труд) – все это не только вызывает воспоминания об умершем человеке, но и дает материал для его воссоздания. Возможно, Шагинян к тому времени, когда писала свой роман, не забыла свое прежнее (или продолжавшееся?) увлечение Федоровым – в молодости она принадлежала к кружку, где культивировались идеи философа [Hagemester 1989:196-97]. Теории философа бессмертия повлияли на многих советских интеллигентов – так, возможно, под воздействием Федорова советский историк Н. А. Рожков (1868–1927) предполагал, что «даже фотография умершего человека или строчки письма его рукой даст достаточно материала для реконструкции его уникального личного состава электронов», тем обеспечивая его воскрешение [Kline 1968: 165]. И у него было немало единомышленников (о теориях воскрешения Федорова см. главу 4).

Маяковский и Катаев

Футурист В. В. Маяковский несколько раз в своем творчестве провозглашал веру в воскрешение и реконструкцию тел. Это, в частности, отметил его близкий друг Р. О. Якобсон в статье «Из комментария к стихам “Товарищу Нетте – пароходу и человеку”» [Якобсон 1987: 339–342]. Знаменитый лингвист и филолог проанализировал это стихотворение 1926 года с точки зрения чающего спасения от смерти поэта. Из бесед с Маяковским начала 1920-х годов Якобсон сделал вывод, что тот внимательно следил за всеми новыми теориями, вероятными и невероятными, подававшими хоть малейшую надежду на возвращение жизни умершим и вечную земную жизнь после воскрешения из мертвых – от философии Федорова с ее «материалистическим мистицизмом» до теории относительности Эйнштейна, в которой время выступает как некое четвертое измерение. В упомянутом стихотворении герой и мученик революции, убитый дипкурьер Т. Нетте (1895 или 1896–1926), оставляет в этом мире весьма конкретный и тяжеловесный след в виде парохода, названного его именем. Совершив акт самопожертвования, защищая секретные документы НКВД, Нетте был убит врагами Советского Союза, а память о его подвиге сохранилась в советском пароходе его имени. По существу, этот пароход в каком-то смысле и *есть* «сам» Нетте в новой ипостаси. При виде парохода поэт «рад», что Нетте не умер, а «живой» [Маяковский 1963,2:150]. Дипкурьер и пароход похожи друг на друга уже тем, что выполняют похожие функции: дипкурьер Нетте был своего рода «пароходом», то есть средством пересылки и носителем важного для Советского Союза «груза» документов, а пароход «Нетте» продолжает его деятельность, став метаморфозой человека Нетте. Поэт, который был лично знаком с молодым дипкурьером, даже узнает его «очки» в спасательных кругах на борту. Сохраняя имя Нетте, память о его подвиге и даже «сходство» с ним, этот пароход придется очень кстати в день воссоздания самого Нетте. Естественно, и стихи Маяковского служат увековечению его памяти и его будущему воскрешению. Когда умершие преображаются в «долгие дела» [Там же: 152], такие как имя парохода, воспоминания благодарных потомков (и партии), стихи знаменитого поэта и т. п., такие метаморфозы сохраняют материальные *следы* личности, которые очень пригодятся в процессе ее «восстановления». Символизм воскрешения в стихотворении подчеркивается тем, что поэт готов идти «на крест» за новый мир без границ и секретов [Там же: 151]. И так как в будущем мире границ не будет, путешественники в царство смерти смогут вернуться оттуда, откуда раньше, говоря словами Гамлета, «никто не возвращался» (библейские предания не в счет). Об их возвращении позаботится «мастерская человеческих воскрешений», которую мы встречаем в поэме Маяковского «Про это» (1923), где поэт очень ясно излагает свое требование победы над смертью [см. Якобсон 1987: 342].

Границ не будет не только между царством мертвых и миром живых, но и между настоящим и будущим. Время ускорило свой бег, и человек научился «опережать время» [см. Hellebust 2011: 708]. Во всяком случае, после Октября, по мнению Маяковского, время начало подчиняться приказу человека лететь вперед все быстрее и вообще оказалось гибкой субстанцией, которая может сделать и обратный поворот в прошлое под давлением разных космических сил («изогнутое время»). Соединяя настоящее с будущим, время позволяет зоркому поэту уже теперь увидеть то будущее здание, где «в мастерской человеческих воскрешений», недоступной «для тленов и крошений», «большелобый, тихий химик», руководствуясь книгой «Вся земля» [Маяковский 1963,1: 568], занимается возвращением к жизни красивых людей (таких, как возлюбленная поэта Лиля). Поэт уступает ей свое место в очереди умерших, ждущих вызова на акт воскрешения, так как он сам «недостаточно красив». Творческий и художественный авангард 1920-х годов приравнивал «революцию к откровению» и рассматривал события 1917 года «как долгожданный *переход* к новому миру и новому времени» [Bethea 1989:

176]. Разница только в том, что возвращением мертвых к жизни будет заниматься не Бог, а «большелобый химик».

Возвращаясь к прозе первых пятилеток: одно из самых знаменитых произведений этого времени, роман В. П. Катаева «Время, вперед» (1932), в названии которого цитируется «Марш Времени» Маяковского из пьесы «Баня» (1930), содержит эпизод, где советский инженер Налбандов ведет разговор на актуальные темы современности с американцем Рэем Рупом. Действие романа происходит в Магнитогорске, одном из главных «полей сражения» за торжество сталинского «великого перелома», где идет социалистическое соревнование между местными и харьковскими рабочими за рекордный темп строительства. Мистер Рэй Руп посещает всемирно знаменитый неслыханными промышленными достижениями город, построенный почти из ничего, почти на «пустом месте» (по принципу Божьего «да будет» – в данном случае коллективной воли к свершению). Американец приехал собирать материалы и впечатления – он намеревается написать книгу «о губительном влиянии техники на человечество» [Катаев 1969: 212]. Налбандов возражает гостю, что человеческий гений безграничен и что прогресса нельзя опасаться. Он говорит западному представителю здравого смысла, что нельзя бояться даже самых дерзких стремлений: «Мы достигнем скорости света и станем бессмертными» [Там же: 267], не боясь скептической реакции с его стороны – или, быть может, надеясь на такую? Налбандов – не самый положительный персонаж в романе, и его декларации не всегда искренни; втайне он разделяет старомодный гуманизм Рупа, который «жалеет» человека, то есть ничего от него не требует. То, что он все же отстаивает советскую доктрину, гласящую, что человек способен преодолеть любые препятствия, сделав даже время своим слугой, подчеркивает неоспоримость всемогущества нового человечества, творящего чудеса на советской земле. Возможно, его возражение Рупу свидетельствует и о том, что старая интеллигенция медленно, но верно начнет верить в эту доктрину. А новая интеллигенция может с полным правом претендовать на управление самим временем и объявить, что человек «станет бессмертным». Осторожный и консервативный Налбандов вопреки себе формулирует подлинную цель лихорадочной индустриализации, охватившей страну. Эта цель – полномочия человека над природой, космосом и временем. Рабочие и по-настоящему передовые инженеры, такие как Давид Маргулис, идейный противник Налбандова и положительный герой романа, «знают», что в конце концов именно так и будет¹⁴. Конечно, эти новые люди желают, чтобы победа человечества над всем, что ограничивает его свободу, случилась как можно скорее. Поэтому они гонят время «вперед» (а возможно, и назад по изогнутой линии обратного движения, в то прошлое, в котором умер какой-нибудь «ценный» человек, подлежащий воскрешению), совершая чудеса беспрестанного, истинно сверхчеловеческого, коллективного труда – чудеса гениальной находчивости и высшей нравственности. Их научная вера (идеология) выгодно контрастирует с налбандовским старорежимным скептицизмом и лицемерными речами Рупа, западного человека из Старого мира (который явно незнаком с теорией Эйнштейна, или не считается с ней, или же не делает из нее единственно правильных выводов). Но для истинно верующих в будущее всемогущество человечества, в мощную «волю к власти» (Ницше) нет никаких сомнений, что субъективно неискренние (или наполовину искренние) слова Налбандова подтверждают то, что объективно должно свершиться. Налбандов, наверное, заслуживает долю уважения со стороны советского читателя, когда, сомневаясь в «новой вере», все же защищает идеологические позиции своей советской родины. Не соглашаясь с иностранцем, верящим только в статус-кво, он, по-видимому, способен уверовать в лозунг «Время, вперед!». Следует отметить, что одним

¹⁴ О дополнительных контекстах этого романа см. [Hellebust 2013]. И Маяковский, и, по всей вероятности, Катаев глубоко интересовались предположением Эйнштейна, что линия времени изгибается под действием силы тяжести; это, казалось, подтверждало утопические надежды на контроль человечества над временем [Там же: 118]. Правильно ли они понимали физика – иной вопрос.

из преподавателей в одесской гимназии, где учился Катаев, был А. К. Горский, страстный проповедник идей Федорова о воскрешении мертвых (см. [Hagemester 1989: 231, примеч. 62]).

Одухотворение материи

Некоторые представители русской религиозной философии Серебряного века допускали возможность превращения *materia prima*¹⁵ в божественную материю (Софию) и в возможность человека обожествить себя путем самосовершенствования и «самоэстетизации». По мнению Уайлза, концепция «обожествления» материи и человека присутствует и в православии, и именно этот факт является одной из причин русско-советского «непомерного» интереса к теме вечной жизни на земле. Если он и ошибается в том, что Церковь разделяет «эволюционную» теорию теургического самосовершенствования человека до стадии божественности, то в религиозной философии того времени, безусловно, содержатся элементы концепции «кающейся первоматерии», стремящейся к совершенству после своего «отпадения» от Бога (см. главу 5 о В. С. Соловьеве). Богостроитель Горький, конечно, был чужд мистическому учению о Софии, но очень увлекался научным знанием о «свойствах материи» и о том, как их использовать в динамике ее развития [Юнович 1961: 54]; в особенности его интересовали различные виды энергии, содержащиеся в ней и делающие ее «движущейся материей» [Там же]. Важнейшей задачей науки он считал «изучение разных видов энергии в природе – электромагнитной, радиоактивной, силы падения вод, течения воздуха, приливов и отливов океана, солнечной теплоты – всех видов, всех форм движения в мире» [Там же: 94]. Возможно, писатель понимал энергию как «дух материи», а ее «энергизацию» (мой термин. – А. М.-Д.), то есть ее стимуляцию человеческими усилиями – как ее продвижение к совершенству. Ф. Энгельс в «Диалектике природы» (1883) учил, что саморазвитие материи обусловлено диалектикой (которая, по мнению Уайлза, играет в марксизме «роль духа» [Wiles 1965,56:130]) и что регулярные «скачки» из одного состояния материи в другое меняют ее качества¹⁶. Как видно, возможных источников этой теории много и нередко теургия переплетается с научным подходом.

¹⁵ *Materia prima* (лат.) — «первоматерия». – Примеч. ред.

¹⁶ Интересно, что известная исследовательница философии Федорова С. Г. Семенова полагает, что материализм прав, допуская существование скачков такого рода. Если это так, то возможен и скачок из материального состояния в духовное [Bernstein 2019: 120].

Горький излагает свою теорию о будущем состоянии материи

Будучи «властителем дум» с самого начала XX века, Горький играл важную роль не только как выразитель социалистических взглядов своего времени, но и как приверженец новой «религии» богостроительства (см. главу 6), наряду с ее основоположниками А. В. Луначарским (1875–1933) и А. А. Богдановым (1873–1928). Смолоду настроенный антирелигиозно и богоборчески, писатель искал «новую веру», в которой ницшеанский призыв к человечеству превзойти себя, создав сверхчеловека, сочетался бы с верой в могущество науки. Подобно многим современникам, Горький воспринимал науку как эманацию нового бога – Разума. Периоды поклонения Разуму имели место в истории и ранее, но новый культ, в отличие от прежних, нередко обращался за поддержкой и подтверждением не только к науке, но также к магии и оккультизму, допуская, правда, что эти сферы скорее «предвещают», чем просвещают. Горький, несомненно, принадлежал к тем интеллигентам Серебряного века, которые стирали грани между наукой и магией, химией и алхимией, мифом и реальностью, утопией и собственными фантазиями. В этом смысле показателен разговор между Горьким и А. А. Блоком о превращении материи в чистую, но все же материальную мысль, который состоялся в 1919 году в Петрограде, на скамейке Летнего сада.

Этот разговор с Блоком Горький включил в свою книгу воспоминаний «Заметки из дневника. Воспоминания» (1924) [Горький 2000: 205]. Начался разговор с того, что Блок спросил Горького, верит ли тот в бессмертие человека. В ответ Горький изложил поэту свое видение человека будущего:

Я предложил ему представить мир как непрерывный процесс диссоциации материи. Материя, распадаясь, постоянно выделяет такие виды энергии, как свет, электромагнитные волны, волны Герца и так далее, сюда же, конечно, относятся явления радиоактивности. Мысль – результат диссоциации атомов мозга, мозг создается из элементов мертвой, неорганической материи. В мозговом веществе человека эта материя непрерывно превращается в психическую энергию. Я разрешаю себе думать, что когда-то вся «материя», поглощенная человеком, претворится мозгом его в единую энергию – психическую. Она в себе самой найдет гармонию и замрет в самосозерцании – в созерцании скрытых в ней, безгранично разнообразных творческих возможностей.

Блок возразил, что, *к счастью* (курсив мой. – А. М.-Д.), закон сохранения вещества противоречит теории, изложенной Горьким, так как все в ней очень «скучно». Горький, в свою очередь, отстаивал свои теории доводом, что ему «приятно думать, что законы, создаваемые в лабораториях, не всегда совпадают с неведомыми нам законами вселенной»¹⁷. Блок повторил, что ему «все это» кажется «скучным», и объяснил:

Дело – проще; дело в том, что мы стали слишком умны для того, чтоб верить в Бога, и недостаточно сильны, чтоб верить только в себя. Как опора жизни и веры существуют только Бог и я и Человечество. Но – разве можно

¹⁷ Горький был не одинок в своих «скучных» (по Блоку) построениях мира из чистой энергии путем мозговой трансформативной деятельности. В Англии ламаркист Дж. Б. Шоу тоже предполагал, что материя идет на «сотрудничество» с волей человека, и мечтал о дематериализованной материи. Его точку зрения высказывает персонаж пьесы «Назад к Мафусаилу» (1922) по имени Древняя: «настанет день, когда людей не будет, а будет только мысль» (пер. Н. Брянского и др.). Автор поэмы «Человек», в которой Мысль – единственная подруга Человека, был поражен сходством своих теорий с воззрениями Шоу [см. Крюкова 1987: 250].

верить в разумность человечества после этой войны и накануне неизбежных, еще более жестоких войн? Нет, эта ваша фантазия <...> жутко! Но я думаю, что вы несерьезно говорили [Там же: 206].

Разговор Горького с Блоком побуждает согласиться с Дж. Смитом, автором книги «Иррациональность» (*Irrationality*), что иррациональность – «близнец разума» [Smith 2019:5], как бы подтверждая его мысль, что «попытки истребить все проявления иррациональности сами в высшей степени иррациональны» [Там же: 287]. Бескомпромиссный приверженец разума и враг всякой «мистики» Горький предлагает фантастические видения будущего мира и человечества, употребляя множество научных терминов, которые, очевидно, должны гарантировать правдоподобие его спекуляций. Блок, считавшийся мистиком в лагере реалистов, наоборот, приводит в своей «защите» земной материальности вполне научные факты физики (закон сохранения вещества). Очевидно, иррациональное мышление может привести к вполне рациональным заключениям, и наоборот рациональность может перейти в иррациональность; если они и не «близнецы» то психически и духовно тесно переплетены. Такое переплетение можно наблюдать и в культе Ленина, который начался с похорон вождя и продолжался в бальзамировании его тела и изучении его мозга.

Бессмертие Ленина и его ожидаемое воскрешение

В рассказе А. П. Платонова «Сокровенный человек» (1928) железнодорожный механик Фома Пухов «находил необходимым научное воскрешение мертвых, чтобы ничто напрасно не пропало, и осуществилась кровная справедливость» [Платонов 1966: 75]. Это было мнение многих реальных Пуховых, которые верили в чудотворную, но совершенно реалистическую, так сказать, «научную магию» Нового мира (как, например, биокосмисты). Для живых «Пуховых» смерть и похороны Ленина стали обетом и обещанием этой «кровной справедливости». И не только «Пуховы» верили, что смерть Ленина – *совсем особая*, так как обещает иной исход из «состояния смерти», чем тот, что совершался раньше в библейском рассказе о воскресении Христа. Некоторые члены Комиссии по увековечению памяти В. И. Ульянова находились под значительным влиянием федоровской философии и глубоко верили, что воскрешение, или реконструкция, мертвых – осуществимый проект и что именно они, большевики-богостроители, призваны осуществить его и наглядно продемонстрировать это естественное чудо, вернув Ленина из мертвых. Забальзамированное тело вождя и строительство мавзолея должны были служить реквизитом и декорацией в драме «новой смерти» и «нового воскрешения» – с помощью науки и народной коллективной «воли к воскрешению». Главное, что воскресение / воскрешение Вождя должно было полностью отличаться от библейской смерти и воскресения Христа и в то же время напоминать о нем.

Чтобы стало понятнее различие между библейской «магией» («сказкой») и естественными чудесами советского Нового мира (научным чудом), сравним историю воскресения Христа, изложенную в Евангелиях, с чаемым воскрешением Ленина. Согласно Библии, Христос восстал из мертвых в глубокой тайне, без свидетелей; по убеждению не верящих в христианское бессмертие атеистов, это произошло только в фиктивной евангельской легенде. Воскресение Христом Лазаря было «осуществлено» только одним простым зовом «выходи», то есть чистой магией, и, следовательно, эта библейская история есть часть того же мифа. Воображаемое воскресение Христа и его собственная воскресительная деятельность, разумеется, сыграли полезную роль, поскольку породили мысль о победе над смертью. Однако теперь эта мечта должна стать *проектом*, или *планом*, или *программой*, которые будут претворены в жизнь как успешное реальное воскрешение мертвого Ленина при множестве свидетелей и поддержке народного коллектива. Ленин должен был стать первым человеком в истории, вернувшимся из царства мертвых, вызванным оттуда по горячему желанию бесчисленного «коллектива» – русского народа. Ведь коллективное желание составляет реальную силу – как в эпизоде из романа Горького «Исповедь» (см. главу 6), где желание и воля народных масс возвращает к жизни умирающую девушку. Однако девушка в этом эпизоде романа еще не «совсем» мертва, что свидетельствует о том, что одной лишь телепатии народной воли и энергии достаточно для оживления *умирающего* тела, но не уже умершего, даже если дело касается великого вождя революции. Пусть даже миллионы взоров устремятся на мертвого Ленина, внушая ему «встать» и «выйти», их энергии не хватит, чтобы вернуть «спасителя нации» в объятия спасенного им народа; ясно, что акт воскрешения должен быть научно подготовлен и проведен научными методами. Члены специально созданной Комиссии по увековечению памяти Ленина полностью осознавали, что для планирования будущих действий и эффективного возвращения вождя к жизни необходима опора на воскресительную науку Так, Л. Б. Красин, в то время полпред и торгпред Советской России в Великобритании, уже в 1921 году на похоронах Л. Я. Карпова¹⁸ провозгласил свою веру в воскресительную науку, заявив, что ожидает вскоре вновь

¹⁸ Карпов Лев Яковлевич (1879–1921) – российский химик-технолог и революционер, организатор химической промышленности.

увидеть своего друга, ибо наука занимается воссозданием умерших организмов (см. [Tumarkin 1981: 44; 1983: 130; Hagemeister 1989: 265]). Еще одним активным участником проекта воскрешения Ленина был биохимик Б. И. Збарский. Ему были поручены «непрерывно ведущиеся работы по бальзамированию тела В. И. Ленина» [Пастернак Е. 1989: 250; см. также Збарский 2000]. Возможно, его больше привлекала научная, а не идеологически-спекулятивная сторона дела; также возможно, что именно факт «сохраняющей» деятельности Збарского отразился в стихотворении его друга Пастернака «Безвременно умершему» (1936), посвященном самоубийству молодого поэта Н. Дементьева и содержащем строку: «найдут и воскресят». В данном случае воскрешаемого Ленина не нужно даже искать: всем известно, где находится его постоянно охраняемое тело. К тому же оно защищено от воздействия природных сил постоянным надзором химиков и медиков, а от внешних врагов – бдительной стражей. Единственное, что остается сделать, – это оживить хорошо сохраненные останки вождя.

Таким образом, заключенного в стеклянный саркофаг и научно забальзамированного Ленина осеяла и аура древнеегипетского культа фараонов, и оптимизм сказочных «счастливых концов», включавших пробуждение от временной смерти: сам стеклянный саркофаг ассоциировался с хрустальным гробом мертвой царевны¹⁹. Она, как и Ленин, не изменила своей телесной формы и выглядела как живая. И, как было с царевной, отравленной ядовитым яблоком злой ведьмы, задача оживить Ленина состояла в том, чтобы исторгнуть «яд смерти» из его тела, сделав его (а не Христа) первым, кто вернулся из царства мертвых. Задача организаторов культа состояла в том, чтобы показать, что «смерть Ленина не более чем иллюзия» [Tumarkin 1981: 37], и не только смерть Ленина, а сама Смерть как таковая.

Стоит еще раз подчеркнуть, что целью Комиссии было разрушение «старой веры». Надо было продемонстрировать основное различие между двумя возвратами из смерти в жизнь – прошлого «возвращенца из мертвых» Христа и будущего – Ленина: показать, что первый был «мифологической» фигурой, а второй – человеком будущей действительности²⁰. Воскресение Христа, восставшего из своей гробницы ночью, без свидетелей, представлялось приверженцам научного воскрешения хитрым обманом. В возвращении Ленина из царства мертвых, которое увидит советский народ, не будет никакого вмешательства ни мистических, ни божественных сил, как внешних, так и внутренних. Если природная причина смерти будет устранена, то жизнь, в том числе с помощью телепатических лучей народной любви, будет восстановлена в своих правах, как в сказке, но на самом деле научными методами. В сценарии будущего воскрешения было необходимо показать, что наука превращает сказку в быль, заставляя поверить, что «бессмертие – не сказка» (ср. [Купревич 1965]). Исполненный любви зов народа разбудит «спящего», а «большелобые химики» займутся устранением причины смерти. Ленин будет жив навеки, он всегда будет жить со своим народом, не только духовно, как теперь, но и физически.

¹⁹ Согласно Хагемейстеру, архитектор К. С. Мельников, спроектировавший хрустальный саркофаг для Ленина, намеревался вызвать этим ассоциации со сказкой о спящей красавице [Hagemeister 1989:266,106]. Более вероятным сказочным подтекстом служит сказка братьев Grimm о Белоснежке, а также пушкинская «Сказка о мертвой царевне и семи богатырях», в сюжете которой хрустальный гроб играет важную роль. Но какую бы сказку ни имел в виду Мельников, учитывая пол воскрешаемого, он спроектировал «усыпальницу мертвого царевича» [Stites 1989:120]. Остается только гадать, что почувствовал бы Ленин, оказавшись в роли царевича.

²⁰ «Воскрешаемость» Ленина подтверждалась и тем, что однажды он уже «восстал из мертвых» после покушения на его жизнь, совершенного Ф. Каплан в августе 1918 года. При встрече с ним после этого покушения Горький, похоже, считал, что Ленин именно «вернулся из мертвых» и, может быть, даже «смертию смерть попрал», о чем свидетельствует его современник В. А. Десницкий, очевидец этой встречи. Десницкий, друг и соратник Горького, описал ее как встречу Фомы с Христом после того, как тот явился своим ученикам. «Горький бережно ощупывал шею, мускулы руки [Ленина]. Владимир Ильич стоял прямо и строго смотрел на Алексея Максимовича (строго, как «воскресший бог». – А. М.-Д.). Казалось, что жесты Горького, жесты сомневающегося Фомы, говорили о чем-то большем, чем о простом желании убедиться в физической мощи друга. Горький как будто хотел еще и еще раз окончательно уверить себя в том, что именно в Ленине сконцентрирована сила и воля миллионов, что из него лучится яркий свет на завтрашний день и на весь доступный нашему зрению отрезок человеческой истории. И он убедился» [Десницкий 1979: 501–502]. Он убедился в том, что Ленин – воскресший бог его времени или, во всяком случае, скоро им станет.

«Программа спасения»

Такая воскресительная активность предполагает план и программу. В следующей главе представлена «программа спасения», состоящая из шести параметров, которые шаг за шагом рисуют нужные действия для спасения от смерти не только Ленина, но и всего человечества. Как уже было сказано, эти параметры применимы к очень разным авторам, объединенным, однако, поисками спасения человечества от смерти и надеждами, что под новым небом и на новой земле «все будет иначе» (З. Гиппиус). Хотя на первый взгляд эти авторы имеют между собой мало общего, важной объединяющей их чертой служит разделяемая вера в необходимость творческой активности человека и человечества. Будь она проявлена в борьбе с церковным, «мистическим» Богом, в теургическом сотворчестве с ним, в борьбе за новую социалистическую «веру» или в научном изучении природы с целью ее изменения – в любом случае ключом к успешной борьбе с прошлым и к вступлению в Новый мир служит творческое действие. «Гностическое» мироощущение, каким изобразил его исследователь гностицизма Х. Йонас, указывает, с чем и с кем следует бороться, в какого бога верить и как построить нового бессмертного Человека в Новом мире. Обратимся теперь ко второй главе – «Программа спасения от смерти» – за деталями.

Глава 2

Программа спасения от смерти: причины смертности и руководство к действию

Параметр 1: Старый мир

*Природою и телом
Томлюсь безумно я.*

Ф. Сологуб

*Камень тела давит дух...
Камень тела душит плоть.*

3. Гипнотизм

Для приверженцев активного, «рукотворного» бессмертия, достигаемого по инициативе самого человечества, Старый мир – это мир, управляемый законами инертной материи, такими как закон всемирного тяготения, приковывающий человека к земле и заставляющий Землю и другие планеты двигаться по predetermined орбитам (в гностической терминологии – «хеймармене», по-гречески «судьба»). К ним относится и тот, по которому все формы материи, живой и неживой, в конечном счете подвергаются распаду, поскольку инерция (энтропия) неизбежно ведет к дезинтеграции и последующей аморфности. Хотя сознание противостоит инерции материи и временно связывает органические формы в единое целое, оно не может отворотить неизбежный конец. Человеческое сознание – наиболее динамичное и утонченное проявление духовно-жизненной энергии, но, к несчастью, оно состоит в подчинении у инертной материи.

Сознание можно обнаружить только в органической сфере, где оно проявляется с различной степенью интенсивности. Примитивные органические формы растительного и низшего животного мира обладают ничтожно малой степенью сознания, и поэтому их не тяготит пребывание последнего в оболочке твердой, хотя и хрупкой материи. Однако человеческое сознание страдает от унижительного материального плена двоякого рода: во-первых, оно заключено в плотскую оболочку с ее постоянными нуждами и аппетитами, во-вторых, ограничено природной средой. Точнее, страдает от этого лишь некоторая часть человечества: значительное число людей, может быть большинство, не осознает своего униженного положения. Состояние этих людей мало чем отличается от животного, поскольку их представления о хорошей жизни ограничиваются удовлетворением самых элементарных потребностей. Они редко задумываются о неизбежном исходе существования – прекращении всех жизненных функций. Если им и случается вспомнить об этом, они легко утешаются, например, надеждой, что «попадут в рай», даже если они почти ничего не сделали, чтобы заслужить эту иллюзорную награду. По ряду причин, в частности благодаря животной силе, которой наделены эти приземленные сторонники существующего порядка вещей, именно они властвуют в Старом мире.

Неудивительно поэтому, что человеческие сообщества Старого мира напоминают «зловонные зверинцы», как в стихотворении «Мы плененные звери...» Ф. Сологуба [Сологуб 1979: 313], где люди, обитающие в душных клетках, убеждены, что так и должно быть. В России счи-

талось, что сильнее всего заражены материализмом и детерминизмом общества промышленно развитых капиталистических стран, но и в самой царской России преобладало такое отношение к жизни; ведь страна считала себя частью Европы и стремилась к капиталистической индустриализации. В Старом мире – будь то Европа или Россия – правящие классы редко сомневаются в вечной истинности таких законов, как «выживание сильнейшего» и «естественный отбор». Поэтому в подобных обществах поощряются соперничество и конкуренция, приводящие к разобщению и дезинтеграции; также в них процветает эгоистически-индивидуалистское удовлетворение всех желаний сильных особей и сопутствующая этому эксплуатация слабых. Подобный «зоологический» подход к жизни способствует тому, что Старый мир не беспокоится из-за социального неравенства и не стремится сплотить разделенное общество в единое целое. Материализм, о чем свидетельствует сам термин, придает значение только материальным и чувственным явлениям; пренебрежение к духовным ценностям – руководящий принцип обществ Старого мира.

К несчастью, всем этим порокам подвержена и Россия. К тому же здесь имеются свои специфические проблемы, например проблема просвещения многочисленного «темного» народа. В ней также господствует поверхностность культуры, пренебрежение к подлинным ценностям, личное и профессиональное соперничество, беспощадная конкуренция и т. д., иными словами – тотальное подчинение естественным (вернее, неестественным) законам существования. Как на Западе, так и на Востоке, то есть в России, общественная жизнь зиждется на старых порядках, где под оболочкой так называемой цивилизации скрываются разложение и распад. В отличие от настоящей культуры, поверхностная цивилизация требует от человека немногого: соблюдать личную гигиену, следить за своим внешним видом, безусловно держать себя за столом и разумно вести свои финансовые дела. Неудивительно поэтому, что в Старом мире повсюду преобладают «мертвые души» и «живые трупы», образующие хорошо организованные, но пустые общества-муравейники, обреченные на неминуемое разрушение. Их падение обычно оказывается неожиданным и тотальным (как это было с Российской империей в 1917 году), видимость могущества и кажущаяся непоколебимость власти успешно дурачат всех тех, кто «не имеет глаз, чтобы видеть».

Несмотря на полный и всеобщий упадок Старого мира и на его грубый и вульгарный материализм, большинство его жителей – «мещане» всех классов – демонстрируют поразительную живучесть. Этот мир продолжает существовать даже после собственной кончины. Снова и снова он возникает под новым именем и в новом облике, продолжая свое смертоносное дело, или же прячется, выжидая, когда сможет вновь появиться открыто, незаметно распространяя яд разложения. Старый мир фактически умер, но его труп, к сожалению, нельзя «заколотить в гроб и положить в могилу». Он «разлагается в нашей среде», «гниет и заражает» даже революционеров – строителей Нового мира [Ленин 1969: 412]. Этот непогребенный «труп», принимая все новые, временные формы, остается все тем же – источником смертоносных миазмов.

Постоянно изменяясь, Старый мир пошлости – а подверженность материалистическому быту есть пошлость, пусть даже внешне красивая, – никогда не несет ничего подлинно нового. Несущественное варьирование одного и того же не может скрыть того, что так называемый прогресс в Старом мире ведет в никуда. Здесь снова и снова подтверждается изречение Екклесиаста, что «нет ничего нового под солнцем». Закон «вечного повторения» и «вечного возвращения», возможно, самый страшный из всех законов Старого мира. И те, кто не может согласиться с пушкинским афоризмом «привычка свыше нам дана: замена счастию она», тоскуют по подлинно новому миру вечного обновления.

Пользуясь терминологией Н. Ф. Федорова, Старый мир есть *материократия*²¹, в которой большинство людей не стремится ни превзойти самих себя, ни преобразить действительность.

²¹ Федоров использует термин «материократия», критикуя марксистскую версию Нового мира, а также более широко –

В царстве пошлости считается аксиомой, что существование следует принимать таким, как оно есть, и что косную материю невозможно «осветить» человеческим сознанием. Соглашаясь с тем, что болезни, бедность и несчастья неизбежны, жители Старого мира принимают как должное и слепоту природы, и слепой материализм общества, таким образом безмолвно признавая абсурдное явление, именуемое смертью. Царица-Смерть – истинная владычица Старого мира, а правители различных империй и народов – ее вассалы. В своем послушании Смерти они проявляют немало рвения: регулярно развязывают войны, поощряют приводящие к распрям националистические чувства и эксплуатируют природные богатства.

Еще одним верным слугой Царицы-Смерти является духовенство. Традиционная религия заинтересована в том, чтобы человеческая смертность осталась вечной и неизменной в мире, где все прочие явления мимолетны. Ей ведь необходимо поддерживать «миф» о небесном рае и о втором пришествии его повелителя Христа, который в день Страшного суда сойдет с небес, чтобы осудить грешников и спасти праведников, в том числе воскресить умерших. Таким образом, религия, автократическая монархия и консерватизм быта создают роковое, раз и навсегда установленное триединство, поддерживающее постоянно действующий закон вечного разрушения и воспроизводства одного и того же, включая превращение живых людей в трупы и рождение новых смертных.

Параметр 2: Демиург

Когда сам бог на цепь похож...

В. Хлебников

Как утверждают многие монотеистические религии Старого мира, их верховное божество – это своего рода волшебник, создавший Вселенную магическим восклицанием «Да будет». Поскольку Бог был объявлен своими жрецами не только всемогущим, но и милостивым, его творение, то есть Старый мир, считается, как утверждает библейская Книга Бытия, «хорошим». На самом деле это явно не соответствует действительности, но концепция доброго божества и его якобы прекрасного творения каким-то образом заигнотизировала значительную часть человечества, населяющего Старый мир и воспринимающего этот постулат как догму уже в течение многих столетий. Беспристрастному наблюдателю, однако, очевидно, что этот мир далек от совершенства и более всего напоминает темницу, в которой содержатся как привилегированные узники, пользующиеся всеми удобствами в роскошных камерах, так и эксплуатируемые каторжники, обреченные на тяжкий труд в нечеловеческих условиях. По истечении некоторого срока, непредсказуемого и для всех разного, всех обитателей этой тюрьмы «казнят», вне зависимости от их привилегий и уж тем более от того, виновны они или нет. Теперь, однако, пришло время сорвать маску с «начальника» темницы, палача человечества, и это сделают те, кто осознал нелепость условий человеческой жизни и понимает, что божество традиционной религии – не кто иной, как самозванец, чьи претензии на всемогущество опровергаются хаосом, царящим в его «тюрьме»²².

Короче говоря, божество Старого мира во многом напоминает Демиурга гностических мифов, который далеко не всемогущ, а является всего лишь воплощением Необходимости²³. Церкви Старого мира поклоняются идолу, требующему, чтобы люди были его рабами (Православная церковь называет своих прихожан «*рабы божии*»), в то время как сам он рабски повиновался законам Материального мира.

По мнению «антидемиургистов», иудео-христианское божество, которого Церковь представляет как «Отца человечества», существует только как мифологема и символ. Это не более чем выдумка священников, которую всецело приняли сильные мира сего. В свое время, ухватившись за страх человека перед могучими силами природы, каста жрецов создала воплощение Необходимости и назвала его Богом, а позднее приукрасила эту идею, вложив в нее все наиболее сокровенные мысли и желания, которые в ходе своей истории породило человечество. Концепция божественного самодержца, правящего по суровым и жестоким законам, но тем не менее всегда считавшегося «милостивым», помогает им сохранять свои позиции духовных властителей (обладающих при этом и мирской властью как важным дополнительным преимуществом). Религиозные догмы увековечивают существующий порядок вещей, выгодный духовенству. Непросвещенные люди, или «темный народ», верят в Бога-демиурга, не задаваясь вопросом героев Блока: «От чего тебя упас золотой иконостас?» Для них Бог – Боженка – последнее прибежище. Они вручают свою жизнь, счастье и спасение «милостивому Богу», не

²² Доктор Ратин в рассказе Чехова «Палата № 6» дает прекрасное описание Старого мира в «гностическом» духе, то есть как пребывание в тюрьме. Он говорит своему другу почтмейстеру: «Когда мыслящий человек достигает возмужалости и приходит в зрелое сознание, то он невольно чувствует себя как бы в *ловушке, из которой нет выхода*. В самом деле, против его воли вызван он какими-то случайностями из небытия к жизни [...] Зачем? Хочет он узнать смысл и цель своего существования, ему не говорят или же говорят нелепости; он *стучится* – ему не *отворяют*; к нему приходит смерть – тоже против его воли» [Чехов 1964, 2: 250]. (Курсив мой. – А. М.-Д.)

²³ Для гностиков Демиург – создатель «видимого мира», который они «считают воплощенным злом» [Bakers Dictionary of Theology 1975: 162–163, 238] (ср. определение Е. М. Мелетинского: Демиург – это «творческое начало, производящее материю, отягощенную злом» [Мелетинский 1980: 366]. – *Примеч. ред.*.)

подозревая, что он не более чем олицетворение многовековой мечты человечества о помощнике-спасителе. Они терпеливо ожидают, что их чаяния сбудутся, а когда этого не происходит, возлагают надежды на награду в загробной жизни. Таким образом, религия, в первую очередь христианская религия Старого мира, основанная на иллюзиях и «сказках», становится «опиумом для народа», успокоительным средством, которое ослабляет стремление людей превратить темницу Старого мира в рай на земле или даже рай во вселенной.

Конечно, даже священники не могут скрыть правду, что Старый мир – это «юдоль печали». Поэтому они внушили людям мысль, что у Демиурга есть непримиримый враг – дьявол, ответственный за все зло Старого мира. Он проникает к людям как великий соблазнитель и с помощью соблазненных им грешников «саботирует» доброе творение Бога. Этот демон зла такое же вымышленное существо, как и Бог-демиург, – он просто его «козел отпущения». И Демиург, и его «вечный противник» – не более чем два проявления одной и той же тактики, цель которой – порождение пассивности в человечестве. Оба олицетворяют необходимость и *status quo*, и совместными усилиями эти мощные мифологические фигуры заманивают человечество в капкан соблазна и наказания, чувственности и раскаяния, порока и страха перед небесными карами («Аз воздам»), приводимыми в исполнение дьяволом.

Необходимо, чтобы человечество осознало, что и демиург, и дьявол не более чем отображение надежд и страхов людей, их желаний и опасений, их стремления обрести защиту – и в равной степени их инфантильной потребности в наказании и в некой контролирующей их инстанции. Человечество должно понять: Старым миром, без сомнения, правит необходимость, и никакие молитвы об обретении счастья и свободы или же проклятия по поводу несчастий и несвободы не заставят ее отступить. Вместо того чтобы следовать бесполезной привычке жаловаться и молиться, человечество должно начать действовать и трудиться, принимая ответственность на себя, полагаясь только на себя и доверяя собственным возможностям. Когда оно отвергнет выдуманного и, следовательно, ни на что не реагирующего демиурга и примет на себя ответственность за свою судьбу, оно поймет, какую власть дает человеческий разум и способность человека и объяснять, и изменять мир. Это не значит, что надо отказаться от стремления увидеть «новое небо и новую землю»: миф о саде Эдема, как и о «новом Иерусалиме», можно преобразить в рай счастливого будущего, в котором человечество будет полновластно управлять окружающим миром и где свобода придет на смену необходимости.

В этом контексте можно встретить и упования иного рода. Для тех, кто желал не разрыва с православным христианством, а его обновления, более приемлемым вариантом был рай Третьего Завета, а сотрудничество с Богом (теургия) – предпочтительнее его отрицания. Главный «философ бессмертия» Н. Ф. Федоров даже воспринимает православие как единственную религию, которая помнит о «долге воскрешения» и которая, как «храм соединения», в состоянии собрать все народы мира в «общее дело» под руководством самодержца-миротворца, собирателя земель и народов [см. НФ 1: 353–398].

Так или иначе, к счастью, находятся люди, стремящиеся разоблачить Демиурга и привести человечество к знанию об истинном Боге, будь то новое видение православного Бога или божественное сверхчеловечество, чтобы покончить с рабством на Земле. Эти высокосоциальные личности готовы привести человечество Старого мира к Истине. На своем пути они встречают разную реакцию – от облегчения и надежды на освобождение до крайнего недовольства и упрямого желания держаться за прежние предрассудки. Ведь многих пугает радикальная новизна.

В зависимости от реакции – радость, робость или сопротивление – обитателей Старого мира можно разделить на три категории. Те, что счастливы, пребывая в своем униженном животном состоянии, и отвергают новую правду, – это люди телесной плоти, или «гилики». Те, что колеблются между «низкими истинами» Старого мира и желанием возвыситься до нового Откровения, в котором кроется будущая истина, – относятся к людям души, или «пси-

хикам». Есть и третья группа: люди духа, или «пневматики»: благодаря незаурядному и сознательности они готовы пожертвовать земными благами и отбросить рутинное мышление ради победы над Демиургом – победы, следствием которой станет истинное изменение нынешнего смертного статуса человека и радикальная метаморфоза Старого мира.

Параметр 3: Смертное человечество

О, зачем человек не бессмертен? <...> Зачем мозговые центры и извилины, зачем зрение, речь, самочувствие, гений, если всему этому суждено уйти в почву и, в конце концов, охладеть вместе с земною корой, а потом миллионы лет без смысла и без цели носиться с землей вокруг солнца? Для того чтобы охладеть и носиться, совсем не нужно извлекать из небытия человека с его высоким, почти божественным умом и потом, словно в насмешку, превращать его в глину.

А. П. Чехов. Палата № 6

Несмотря на то что некоторые жители Старого мира задают себе вопросы вроде тех, которые ставит чеховский доктор Рагин в эпитафии, большая часть человечества давно смирилась с тем, что слова «человек» и «смертный» являются синонимами. До недавнего времени это, безусловно, соответствовало действительности, но на пороге новой эры (нового столетия, послеоктябрьской эпохи, «великого перелома») такая точка зрения выглядит устаревшей. Настало время, когда люди должны решить, вступить им в борьбу за бессмертие и власть над природой или же остаться рабами естества и демиурга. Одни готовы отказаться от своей духовной сущности, другие выбирают борьбу за достижение истинно человеческого бытия. Третья категория, хотя и желала бы бессмертия, все же отвергает борьбу со смертью по слабости воли или из-за недостатка сил. Первая категория, по терминологии гностиков, – *гилики*, или те, кто «телесен без надежды на исправление» [Bakers Dictionary of Theology 1975:163]; они сторонники существующего порядка вещей, и поэтому спасти их невозможно.

Полную противоположность гиликам составляют *пневматики*¹, они наделены моральной и волевой стойкостью, зоркой духовностью и бдительным сознанием, что дает им силы бороться со Старым миром. Иногда пневматики в состоянии помочь промежуточной категории – *психикам*, людям души, – отважиться встать на путь борьбы за бессмертное существование. Очевидно, что наиболее серьезную угрозу бессмертию на земле представляют гилики. Следовательно, чтобы уничтожить смерть, надо каким-то образом избавиться от этой неисправимой категории людей, отрицающих не только будущее бессмертие людей, но даже его желательность.

Люди плоти (гилики)

Слава вам, идущие обедать миллионы! <...> Выдумавшие каши, бифштексы, бульоны...

В. Маяковский

Потакающие удовлетворению собственных потребностей и прихотей, погрязшие в плотских утехах и накоплении имущества, люди *телесной* плоти (некоторые «антигилики» делают различие между «телом» и «преображенной плотью»; см. эпитафия из 3. Гиппиус к настоящей главе) обрекают свое сознание и совесть на смерть. В результате они постепенно теряют человеческий облик, не говоря уже о «богоподобии» человека, и становятся либо домашними животными, довольствующимися строительством уютных семейных гнезд, либо хищными зверьми, участниками беспощадной борьбы за выживание. У гиликов обоого типа совесть атрофируется – ведь они всегда находят оправдание своим скверным поступкам. Их действиями руководят исключительно инстинкты, рефлексy и привычки; они полностью предсказуемы, как автоматы или марионетки, по крайней мере для прозорливых людей. Подобные «животные-марионетки» разносят болезнь смерти, заражая всех и вся вокруг. При этом с виду они нередко производят

впечатление «приличных», цивилизованных людей, что делает их особенно опасными носителями незаметной заразы.

Люди души (психики)

*Кто она? Царевна?
Дочь земли? Княжна?*

Б. Пастернак

Психики составляют промежуточную категорию смертного человечества. Их можно охарактеризовать как людей с нравственными изъянами, но не безнадежных, если руководить ими будут высокосознательные пневматики. Это главным образом женщины или мужчины женского склада характера, так как психики в своих поступках движимы скорее эмоциями, чем разумом. Хотя они иногда кажутся людьми сильной воли, их деяния скорее результат недостаточной гибкости, чем твердой и принципиальной решимости. Люди души часто бывают сентиментально привязаны к вещам (к своему дому, например) или «обожают» явно недостойного человека, для которого готовы совершить даже преступление, забывая о более высоких целях общего блага. Чувствительные, способные к большой любви и состраданию, но также и к иррациональной ненависти и замаскированной зависти, люди этой категории лишены силы духа, внутренней свободы и творческой независимости, достаточных, чтобы идти к главной цели. Лишенные созидательного начала, они не могут целенаправленно изменять окружающую среду и нередко терпят фиаско как революционеры²⁴. В советское время под эту категорию подпадали интеллигенты Старого мира, «разочаровавшиеся» в революции и проявлявшие «гамлетовские настроения» (см. главу 9). Бейкеровский теологический словарь²⁵ определяет их как людей, которые способны приобрести веру, но не знание.

Сами добродетели психиков могут обернуться пороками: сострадательность легко пере рождается в слезливую сентиментальность или жалость к себе, а оправданная «святая злоба» (Блок) – в жестокость. Духовная хрупкость, нередко сочетающаяся с внешней красотой людей этой категории, особенно женщин, как бы изначально обрекает их на то, чтобы стать жертвами гиликов. Спасение для этой по преимуществу женской группы людей – в союзе с пневматиками, у которых они могут позаимствовать физическую и духовную силу и внутреннюю свободу.

Люди духа (пневматики)

*Это шествуют творяне,
Заменившие Д на Т.*

²⁴ В «Воскресении» (1899) Л. Н. Толстого категория психиков представлена в лице революционера Новодворова. Он как будто обладает «мужскими» качествами – силой воли и ясностью мышления, но, по существу, «принадлежал к разряду людей преимущественно “женского” склада, у которых деятельность мысли направлена отчасти на достижение целей, поставленных чувством, отчасти же на оправдание поступков, вызванных чувством» [Толстой 1967: 405]. Герой Пастернака Антипов в «Докторе Живаго» – человек более благородного склада, чем Новодворов, но он тоже обманывает мир и самого себя, изображая рационального интеллектуала, в то время как движущая сила его поступков – гнев на собственные неудачи и комплекс неполноценности. В отличие от Новодворова, он жаждет справедливости, но только в такой форме, какую он сам считает «правильной».

²⁵ [Baker's Dictionary of Theology 1975].

В. Хлебников

Пневматики – это те, кто обладает духом (греч. «пневма»), или высшей степенью сознательности, и, следовательно, способностью приобрести подлинное знание о сущности бытия – *гнозис*. Вооруженные этим знанием, пневматики полностью осознают зло Старого мира, иллюзорность демиургической религии, никчемность людей плоти, слабость людей души – короче говоря, все губительные недостатки прошлого и настоящего существования. Они знают, что смерть может быть уничтожена только в мире, открытом для творческих метаморфоз, начало которым они сами и положили своим протестом против существующего порядка вещей. Конечно, такая позиция требует мужества и независимости, поэтому именно пневматики становятся бесстрашными мятежниками, революционерами, художниками-новаторами и беспощадными критиками действительности; это все те, кого Старый мир боится и преследует из-за их «непрозрачности» (как Цинцинната в романе В. В. Набокова «Приглашение на казнь», живущего в «Старом мире» фашистской диктатуры). Они непонятны для людей посредственных, для духовных мещан, гиликов. В классическом гностицизме только они неизбежно достигнут «пространства света Истинного бога» [см. *Bakers Dictionary of Theology* 1975]. Будучи потомками Прометея, сыновьями светоносного Люцифера, братьями Каина и членами древней гильдии насмешников-шутов (скоморохов), пневматики непримиримо враждебны ко всем наносным ценностям и ложным идеалам. Они продолжают неустанную борьбу за подлинный идеал бессмертного человека-бога, хозяина «мастерской» природы Нового мира, которая призвана стать и «храмом» красоты; как истинные повелители природы, они спасают ее от себя самой. Унаследовав базаровский нигилизм, то есть сомнение по отношению ко всему непроверенному, они имеют одну цель: произвести переоценку всех ценностей, чтобы найти среди них неоспоримые. Только те ценности, которые прошли суровые испытания и оказались настоящими, в частности вечная идея бессмертия человека на земле, имеют право стать частью будущего. Этот тип сознания преимущественно мужской, то есть героический, творческий и свободный. Полностью полагаясь на себя, эта категория находит положительное дополнение в женской душевности, по крайней мере, если время позволяет герою расслабиться. Хотя пневматик, как правило, горд и мятежен, ему свойственны и хриstopодобные черты, такие как готовность к самопожертвованию во имя конечного триумфа вечной жизни. Но, в отличие от святых Старого мира, он не подражает Христу. Он проповедует не долготерпение, а борьбу, он отрицает ценности Старого мира и бесстрашно провозглашает ошеломляюще новые идеалы, включая победу человечества над смертью.

Параметр 4: Бессмертное человечество

Смерть смерти будет вестать сроки...
В. Хлебников

Бессмертное человечество отвергает духовную спячку, опьянение чувственностью и внушаемое официальной Церковью смирение перед демиургом. Возглавляемое пневматиками, оно приступает к революционным преобразованиям, имеющим целью создание нового человечества. Заложив фундамент грандиозного здания будущего и освободившись от всех природных оков, грядущее человечество начнет объединяться во все более многочисленные дисциплинированные коллективы, которые добровольно отвергнут анархическую свободу индивидуализма. Как говорит горьковский Сатин («На дне», 1902), человек – это «не ты, не я, не они... нет! – это ты, я, они, старик, Наполеон, Магомет... в одном!» [ПСС 7: 177] – то есть сплоченный коллектив, именуемый «Человек». А «Человек», то есть Новое человечество, – это «звучит гордо». Жертвуя слабым и эгоистичным «я», равно как и слишком узким и ограниченным «ты», и слишком отдаленным «они», ради «всех в одном», люди смогут вершить «общее дело» (по Федорову) – трансформировать слепую и бесчувственную природу в зрячую и просветленную, в такую, которая не будет уничтожать жизнь своих же созданий

Человечество, объединенное целью разгромить общего врага всего живого – смерть, совершит ряд изменений к лучшему, чтобы преобразовать мощные силы природы, направленные на распад и разрушение, в равные им созидательные силы. В этом преображении будут участвовать благодарная память, новые отношения между мужчиной и женщиной, в которые трансформировалась половая любовь, и наука, призванная служить не войнам и не промышленности, поощряющей тягу к роскоши и телесному комфорту, а творческой деятельности, посвященной сохранению жизни и продлению ее в бесконечность.

Таким образом, Бессмертное человечество должно осуществить программу достижения бессмертия, которую предвидели лучшие из людей духа. Конечно, такая цель не достигается сразу, но Бессмертное человечество обладает гнозисом и, следовательно, знает, что демиургическая магия «тайны и чуда» иллюзорна и что мечты осуществляются с помощью научных исследований, упорного коллективного труда и веры в высокие идеалы. Цель целей – преодоление смерти и воскрешение мертвых – увенчает многообразный совместный труд, в котором все без исключения найдут свое место и свою задачу. Пусть смерть еще не побеждена, человечество, посвятившее себя достижению бессмертия, уже бессмертно, потому что люди, преисполненные решимости обрести бессмертие и овладеть умением воскрешать мертвых, не могут не добиться успеха. Более того, само величие замысла и духовного усилия людей, пытающихся превзойти самих себя, делает их бессмертными и в более традиционном понимании этого слова.

Параметр 5: Истинное божество

Будь прославлен, Человек!

В. Брюсов

Если демиург есть олицетворение необходимости, действующей в природе, якобы созданной им, то Истинное божество Нового мира – это божество, освобождающее от всех материальных оков. Каким бы оно ни являлось Новому человечеству – как абстрактное понятие абсолютного «знания истины», или как сверхчеловечество будущего, или как человечество теургов, равноправное с Истинным богом, – оно дарует людям свободу от всех унижительных ограничений, таких, как, например, неспособность жить в других мирах космоса или кратковременность человеческой жизни. Оно не противостоит человеческому стремлению стать «как боги», напротив, вдохновляет на достижение этой цели. В широко понимаемой гностической традиции Истинное божество не запрещает человеку вкушать от плода познания, а, напротив, поощряет развитие безграничных созидательных способностей человечества, и даже требует от него равноправного с собой сотворчества. Это божество не запретило бы Прометею нести людям огонь просвещения, не оградило бы от Адама и Евы древо познания. Время «ревнивых богов» прошло, и преград к равноправию человечества с божественным началом больше нет²⁶.

Хотя единственным логическим и, соответственно, онтологическим состоянием человечества является богоподобие, это не означает, что человек стоит выше «низкого» труда. Божественность – награда, а не дар. Для того чтобы получить доступ к истинному божеству / создать Сверхчеловечество / быть властелином одухотворенной материи, потребуются колоссальные усилия. Для Нового бога следует построить новое обиталище – Новый мир, который выйдет за пределы Земли, освободившись от земного тяготения.

²⁶ По словам Г. Гейне, еще в Эдеме «маленькая приват-доцентка» (т. е. змея. – *Ред.*) показала, «как путем познания человек становится Богом, или, что то же, как Бог в человеке доходит до самопознания» [Гейне 1959: 119–120].

Параметр 6: Новый мир

*И будет все в одном соединении —
Земля и небеса.*

3. Гиптиус

Новый мир, наверное, лучше всего себе представить как мастерскую и храм одновременно: это пространство, где выполняется работа, но работа совершенно нового, созидательного типа. Новый мир – это «естественный храм», являющийся одновременно и произведением искусства. Художественная энергия, раньше тратившаяся на рисование картин или строительство дворцов и соборов, теперь используется для эстетизации реальности, для создания совершенной красоты на всей планете и во всем космосе. Управляемый творческой энергией освобожденного духа, Новый мир сотворен из «восприимчивой» материи, материи, которая утратила свою вещественную твердость и непроницаемость и приобрела прозрачность и чувствительность, став, таким образом, федоровской *психократией*, то есть материей, управляемой носителем духовности, Новым человечеством²⁷. Одухотворенная энергетическими силами, освобожденными пневматиками и новыми людьми, узнавшими все тайны природы, новая природа заботливо сохраняет жизнь, вместо того чтобы слепо истреблять ее. Иначе говоря, природа охотно подчиняется человеческой (теперь уже божественной) воле, которая осуществляет «предписания свободы». Преображенная природа не только добра к своим бессмертным обитателям, но и прекрасна. Ее можно рассматривать как *Gesamtkunstwerk*²⁸ и как модель для планетотворчества или космотворчества (неологизмы по образцу «жизнетворчества»). Возможно, в этом космическом храме всех искусств будет раздаваться бетховенская «Ода к радости», но, скорее, «музыкой сфер» зазвучат здесь хоры поющих православную литургию. Однако следует добавить, что федоровское тотальное произведение искусства включает еще один вид творчества, а именно искусство научной регуляции преобразования космоса и нашего мира. Философ видит синтез науки и искусства в религии. Федоров не одобряет немецкую музыкальную драму и предпочитает славянскую архитектуру храмостроения. Она станет проектом «мира такого, каким он должен быть» [НФ 1:413], и не только мира, но и космоса. Это будет храм, который приветствует все человечество общего дела.

Спасение земли, таким образом, в итоге приведет и к спасению неба. Освобожденная от установленных орбит роковой «хеймармене» (в терминологии гностиков – механизм урегулированной необходимости и вечной повторяемости космоса), наша планета будет перестроена в космический корабль, управляемый, как говорил Федоров, «командой» человечества, призванной искать вечность в бесконечности. Библейская мечта в Откровении станет реальностью – наша планета станет «новой землей», со всех сторон окруженной (а не укрытой) «новым небом». Бессмертное человечество, оно же Истинное божество, воочию продемонстрирует, что небо – это конгломерация планет и других небесных тел, а планета Земля – неотъемлемая часть неба. Астрономически эта истина уже была открыта Коперником, но теперь потен-

²⁷ Идея, что материю можно сделать восприимчивой ко всем потребностям живых организмов, связана с гилозоистским представлением, что вся материя – живая, пусть в самой незначительной степени. В «Воскресении» Л. Н. Толстого гилозоист Симонсон, прообразом которого послужил последователь Федорова Н. П. Петерсон, высказывает мнение, что «все в мире живое <...> мертвого нет». Если бы бактерия исследовала ноготь человека, утверждает он, она сочла бы его неорганическим существом. Подобным же образом и человек полагает, что материальная оболочка земли – существо неорганическое, но «это неверно» [Толстой 1967: 369].

²⁸ *Gesamtkunstwerk* (нем.) — «тотальное произведение искусства», центральное понятие эстетики Р. Вагнера. – *Примеч. ред.*

циально божественное человечество может найти ей практическое применение, превращая небесные тела в обитаемые миры. Перестав быть кладбищем и юдолью печали, Земля превратится в своеобразный космический челн, осуществляющий межзвездное сообщение и осваивающий другие миры во Вселенной. Эти миры, согласно Федорову, по-видимому, станут прибежищем для воскрешенных предшествующих поколений. В этой совершенно новой Вселенной исчезнет все, что превращало Старый мир в ад, и не по волшебству, а потому, что человечество устранило все зло общим делом спасения. Новый космический и вселенский рай будет по праву принадлежать тем, кто создал его и теперь будет поддерживать его в состоянии вечного, но динамического совершенства. Новый мир явится вечным памятником решимости жалких смертных поднять себя до божественных высот, став вездесущими, всеведущими и всемогущими в процессе созидательных и конструктивных метаморфоз, то есть выполнив свое изначальное предназначение, намеченное или Богом, или Вечной материей. Те, кто видел себя сподвижниками Истинного Бога, встретятся с ним не как «рабы» с властелином, а как равные с равным. Те, кто достиг сверхчеловечества без Божьей помощи, установят равноправие всех воскрешенных во всей Вселенной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.